

«РАСПУТИН» В «ГЕЛИКОН-ОПЕРЕ» СКАЗКА С ОТТЕНКОМ ТРИЛЛЕРА

Анна Булычева



«Распутин» американского композитора Джея Риза впервые увидел свет в 1988 году на сцене театра Нью-Йорк Сити Опера. Пятнадцать лет тому назад, будучи в России с концертами, композитор предложил свое сочинение «Геликон-Опере», но тогда, в 1990-е, постановка не была осуществлена. Партитура мирно лежала в портфеле театра, пока его художественный руководи-

тель Дмитрий Бертман неожиданно для всех не решил, что «Распутина» пора ставить.

Трудно сказать, что оказалось удивительнее — сам спектакль или внимание, которое он привлек. Сразу стало понятно, что получился не «одноразовый продукт», как сплошь и рядом происходит с современными произведениями, а нечто более долговечное.

«Распутин» ни в коей мере не мюзикл. За исключением песенки Юсупова «Прелестное дитя», колыбельной Александры Федоровны и начала сцены оргии у Распутина, музыка Риза далека от популярной и очень непроста как для исполнения, так и для восприятия. Спектакль тоже непростой — с ошарашивающе стремительным развитием действия и неожиданными

сценическими метафорами. Тем не менее благодаря постановке «Распутина» аудитория «Геликона» не сузилась, а напротив, расширилась, в зале на Новом Арбате впервые оказались люди, не привыкшие ходить в оперу.

Заказ «Распутина» театром Нью-Йорк Сити Опера и американская премьера совпали с «перестроечной» волной интереса к России, особенно к негативным сторонам российской действительности. «Распутин» стал первым театральным опытом Джея Риза. Позднее творчество композитора приняло несколько иное направление: он закончил фильм-оперу «Дьявол во плоти» (по Раймону Радиге), увлекся южноиндийской музыкой и в настоящее время работает над оперой «Соната призрака» (по Августу Стриндбергу) и «пекинской оперой» «Белая змея», сочетающей китайскую и западные музыкальные традиции.

Подготовка российской премьеры шла на фоне нарастания «распутинского» книжного бума, отнюдь не остановленного началом экономического кризиса. Была переиздана книга Эдварда Радзинского, вышло первое полное издание «Мемуаров» Феликса Юсупова, незадолго перед этим — новое издание его воспоминаний «Конец Распутина» под одной обложкой с «Дневниками» Пуришкевича, в серии «Жизнь замечательных людей» появилась монография Алексея Варламова, напечатаны прекрасно иллюстрированная книга Матрены Распутиной «Воспоминания дочери», затем «Дневник Распутина»... Это если говорить о более или менее серьезной литературе и публикациях документов, не упоминая откровенно беллетризованные или откровенно фантастические версии истории «старца».

Среди посвященных Распутину книг огромное место занимают сочинения, наполненные домыслами, полуправдой и намеренными фальсификациями. Традиция заложена написанными по горячим следам воспоминаниями его убийц Юсупова и Пуришкевича, мемуарами Арона Симановича «Распутин и евреи», развита в знаменитом «Дневнике» Анны Вырубовой, где Алексей Толстой придал материалам историка Павла Щеголева откровенно литера-

турную форму, по стилю несколько декадентскую, и в наше время продолжена уже упомянутым «Дневником Распутина». История этого человека, изначально замешанная на притворстве, лжи и лицемерии, словно создана для того, чтобы обрастать легендами.

Хронологически первые музыкальные сочинения о Распутине — вероятно, песни «Гость» и «Лимузин» молодого участника французской «Шестерки» Дариуса Мийо из цикла «Петроградские вечера» (1919) на слова начинающего поэта Рене Шалю, где под роскошный перезвон колоколов «святейший монах Распутин покорно следует своей судьбе». Вскоре стали появляться мюзиклы, фильмы и оперы. Развлекательные произведения, эксплуатирующие колоритный образ «мона-

ха» и его скандальную роль при российском дворе, появлялись во всякое время, серьезные интерпретации — такие, как «Агония» Элема Климова — в переломные, кризисные моменты истории.

Распутин явился в столице в момент агонии династии и судорожных поисков спасителя, но его имя почти автоматически всплывает, едва начинается поиск виновника всех бед российской монархии. Кто завел ее в тупик? Кому было выгодно существование при царе Распутина? Что за тайные силы за ним стояли? Часто упоминаются германская разведка, масонские организации, правомонархические салоны, секта хлыстов, но проблема Распутина настолько актуальна, что список все продолжает обновляться. Увлекательные расследования заводят следопытов даже



Распутин — Николай Галин



Князь Феликс Юсупов — Василий Ефимов

на Тибет, родину ордена Зеленого Дракона¹. С далекого расстояния облик «старца» кажется сродни фантому или оборотню. Одни добиваются его канонизации, другие видят в нем посланца дьявола. Эти крайности еще в 1917 году по горячим следам объединил в своей книге «Святой чорт. Записки о Распутине» Илиодор (С. Труфанов), предложивший чрезвычайно соблазнительную формулу: оказывается, можно сделаться «святым», пребывая «чортом». Ничего удивительного для истории, в которой трудно отличать правду от вымысла: уже давно на месте человека по имени Григорий Распутин — зияющая пустота, которая может заполняться всем, чем угодно. Тот, кто

сегодня рискует высказаться о Распутине, больше сообщает о себе самом и о своем времени.

У художников, которые обращаются к этому историческому персонажу, с одной стороны, развязаны руки, с другой стороны, приходится так или иначе отвечать на почти уже стандартный набор вопросов: «черт» Распутин или «святой», какого рода отношения связывали его с императрицей, каковы были истинные мотивы убийства «старца» князем Юсуповым и почему лишить его жизни было так трудно?

В опере Джей Риза Распутин — вне всякого сомнения, черт, без каких-либо иллюзий. Композитор сам составил либретто, опираясь на мно-

гочисленные исторические источники; в частности, сцены Распутина с Юсуповым во многом следуют тексту воспоминаний князя. Касательно личных отношений своего героя с императрицей и с Феликсом Юсуповым композитор придерживается наиболее скандальной версии, что сообщает музыке явный эротический подтекст. Не говоря о том, что в двухактной опере уместилось целых три оргии.

Но самое интригующее — это загадочная смерть Распутина, во многом заслонившая его загадочную жизнь (для авторов художественных произведений, во всяком случае). То, что убитый несколько раз «оживал», Риз объясняет мистически: невиди-



Князь Феликс Юсупов — Василий Ефимов, Ирина — заслуженная артистка России Елена Ионов

мый хор хлыстов призывает Григория восстать, подобно Христу, и тот «воскресает». Когда заговорщики его все-таки добивают, хлысты провозглашают реинкарнацию Распутина в виде... Ленина, и начинается революция. Здесь уже трагедия и фарс, во многих сценах мирно соседствовавшие, сливаются до неразличимости. Хотя Дмитрий Бертман и говорил в дни премьерных спектаклей: «Меня не волнует ни историческая правда об этом человеке, которую нам не узнать до Страшного суда, ни мое отношение к нему. Важно показать, от чего и от кого порой зависит судьба целых народов», — но, вероятно, в этом смешении жанров как раз и заключена большая часть правды о главном герое.

Монолог Распутин-триумфатора, только что подчинившего своей

воле безбидных, страдающих и доверчивых «царей» (с помощью неких хлыстовских заклинаний он заговорил кровь царевичу), в спектакле «Геликон-Оперы» поется на авансцене перед суперзанавесом, на котором воспроизведена фотография толпы народа, сделанная на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых — прекрасные русские лица! Во время монолога Распутин «снимает маску», буквально стягивает с лица кожу, а под «маской» — ни святой, ни черт. Лицо артиста без грима. Так где же тот злодей, виновник национальной катастрофы?..

Американская опера буквально иллюстрирует сентенцию «умом Россию не понять...»: изучив множество исторической литературы, Джей Риз все-таки предпочел дать загадкам не-

вероятного влияния и невероятной живучести Распутин иррациональное объяснение, ухватившись за так кстати пришедшее учение хлыстов. Кстати, хлыстовские хоры — почти единственная в опере музыка в русском стиле, не считая вальса из «Лебединого озера», который процитирован в сцене бала в Зимнем дворце. И похоже, что в периоды кризисов и депрессий красивые фантастические версии событий более ко двору, нежели суровые прагматические. Сказка с оттенком мистического триллера вроде бы повествует о реальных и страшных событиях падения российской монархии, но в то же время вытесняет их в область иррационального. Ошеломляет — и в то же время развлекает. Для этого нет ничего удобнее, чем история Распутин.

¹ Бурлешин М. «Мир Зазеркалья», Зеленый дракон в судьбе Григория Распутин // «Вечерний Волгоград» от 6 сентября 2005. С. 12.



Илья Исупов «Золотые яйца». Галерея «Триумф», 2009